

Прищепа Валерий Павлович, Ломилкин Александр Николаевич

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЭТИКИ ЛИРИКИ Г. Ф. СЫСОЛЯТИНА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматриваются особенности ранней военной лирики сибирского поэта Г. Ф. Сысолятина, дается анализ произведений периода Великой Отечественной войны. Особое внимание обращено на идейный мир поэта, определены наиболее частотные мотивы и образы, ведущая эмоционально-ценностная ориентация произведений. Также в статье раскрыты некоторые аспекты тематики, особенности проблемного видения, психологические черты, присущие ранней лирике Г. Ф. Сысолятина. В качестве исследовательской задачи авторами была предпринята попытка оценить вклад раннего Сысолятина во фронтовую поэзию тех лет, показать специфику, неповторимость его взгляда на мир.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 2. С. 56-59. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. Гёте И. В. Пандора / пер. С. Шервинского // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 15-ти т. М. – Л.: Гослитиздат, 1937. Т. 4. С. 393-436.
2. Гёте И. В. Прометей / пер. А. Дейча // Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 5. Драммы в стихах. Эпические поэмы. С. 72-88.
3. Овчарова С. В., Скворцова М. Л. Отчуждение личности в романе Ф. Фюмана «Прометей. Битва титанов»: цель, средства и пути преодоления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 25-29.
4. Фюман Ф. Избранное: сборник / пер. с нем.; сост. и предисл. А. А. Гугнина. М.: Радуга, 1989. 499 с.
5. Фюман Ф. Прометей. Битва титанов // Фюман Ф. Избранное: сборник / пер. с нем.; сост. и предисл. А. А. Гугнина. М.: Радуга, 1989. С. 171-307.
6. Шлегель Фр. Люцинда / пер. А. Сидорова // Немецкая романтическая повесть: сборник: в 2-х т. М. – Л.: Наука, 1935. Т. 1. С. 3-109.
7. Эшил. Прикованный Прометей [Электронный ресурс] / пер. с древнегреч. А. И. Пиотровского. URL: http://rvb.ru/ivanov/1_critical/2_eshill/03add/03.htm (дата обращения: 27.08.2017).
8. Fühmann F. Literatur und Kritik // Fühmann F. Erfahrungen und Widersprüche. Versuche über Literatur. Rostock: Hinstorff-Verlag, 1975. S. 103-219.
9. Hauptmann G. Die Hand // Hauptmann G. Ährenlese. Kleinere Dichtungen / hrsg. von S. Fischer. Berlin, 1939. S. 162-173.
10. Herder J. G. Der entfesselte Prometheus // Herders Sämtliche Werke / hrsg. von Bernhard Suphan. Berlin, 1884. Bd. 28. S. 329-369.
11. Schlegel A. W. Prometheus // A. W. von Schlegels Sämtliche Werke / hrsg. von E. Böcking. Leipzig, 1846. Bd. 1. S. 49-60.

THE IMAGE OF F. FUHMANN'S PROMETHEUS IN THE CONTEXT OF THE GERMAN LITERATURE

Ovcharova Svetlana Vladimirovna, Ph. D. in Philology
 Skvortsova Mariya L'vovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Khasenova Anara Amanzhulovna
 G. I. Nosov Magnitogorsk State Technical University
 alexis-1@yandex.ru; mskvor@mail.ru; xasenova1995@mail.ru

The article attempts to reveal the peculiarity of the interpretation of Prometheus's image in the novel «Prometheus. Die Titanenschlacht» by F. Fuhmann and to compare it with the famous examples of the German classics. The author bases himself on the principle of historicism and substantiates the idea that this “eternal” image of the world art preserving a certain set of stable characteristics is subjected to a constant process of transformation. In conclusion, the author summarizes that the image of Prometheus is always the expression of progressive ideas of a specific historical era and that is why it does not lose its relevance against the background of modernity.

Key words and phrases: F. Fuhmann; image; symbol; thinker; creativity; historicism; natural and social components of human essence.

УДК 82-14

В статье рассматриваются особенности ранней военной лирики сибирского поэта Г. Ф. Сысолятина, дается анализ произведений периода Великой Отечественной войны. Особое внимание обращено на идейный мир поэта, определены наиболее частотные мотивы и образы, ведущая эмоционально-ценностная ориентация произведений. Также в статье раскрыты некоторые аспекты тематики, особенности проблемного видения, психологические черты, присущие ранней лирике Г. Ф. Сысолятина. В качестве исследовательской задачи авторами была предпринята попытка оценить вклад раннего Сысолятина во фронтовую поэзию тех лет, показать специфику, неповторимость его взгляда на мир.

Ключевые слова и фразы: Г. Ф. Сысолятин; военная лирика; фронтовая поэзия; идейный мир; мотивы и образы; пафос; авторский идеал; проблемное видение.

Прищепа Валерий Павлович, д. филол. н., профессор
Ломилкин Александр Николаевич
 Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан
 oranta91@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ ПОЭТИКИ ЛИРИКИ Г. Ф. СЫСОЛЯТИНА ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В творческом наследии сибирского поэта Геннадия Филимоновича Сысолятина наличествует свыше 80 стихотворений, связанных с темой войны. Между тем к самым ранним, написанным непосредственно на фронте, относим десять лирических стихотворений: «*Дунышина роца*» (март 1942), «*Песня 108-ого минометного*»

(22 июня 1942), «Свидание» (июнь 1942), «Перед боем» (июль 1943), «Письмо с фронта» (15 августа 1943), «Однополчанам 7-й артиллерийской дивизии прорыва» (март 1944), «В лесу под Ковелем» (апрель 1944), «Верка-Вероза, зазноба-заноза...» (апрель 1944), «Фронтвое» (июль 1944), «В изрытом войною саду» (осень 1944) (датировка текстов дается нами по книгам: [3; 4]).

С одной стороны, война «вообще» относится к разряду «вечных тем» – военные конфликты повторяются в судьбах разных поколений и в различные исторические эпохи. С другой стороны, поэт фокусирует своё внимание на одной конкретной – Великой Отечественной, непосредственным участником которой он был. Война в творчестве Г. Ф. Сысолятина рассматривается нами, прежде всего, как конкретно-историческая тема: это упоминаемые в стихах *сражения и битвы* (например, на Курской дуге, блокада Ленинграда, бои под Ковелем, огневые позиции под Яблонна-Легийоново и др.); *даты* (в конце стихотворения приводятся ссылки на конкретное время написания, например в 1942-1944 гг.); *персоналии* (изображённые автором герои – советские солдаты и офицеры, красноармейцы, политруки, партизаны, рабочие и крестьяне и пр., то есть типичные представители своей эпохи); *предметно-детальный мир* (в произведениях показана форма военной одежды – гимнастерка, шинель, фуражка, упоминаются различные виды артиллерийского оружия – минометы, пушки, гаубица и т.д.).

Подчеркнем, что стихотворения военной поры Г. Ф. Сысолятина имеют вполне конкретные названия: «Дуняшина роща», «Перед боем», «Письмо с фронта», «В изрытом войною саду». Они, как правило, обозначают предметы, указывают на временную или пространственную координату. Примечательно, что в то время как названия произведений отражают конкретно-исторический аспект, анализ их содержания указывает на пробуждающийся интерес автора к вечным вопросам бытия, нравственному осмыслению происходящего. Так, в стихотворении «Письмо с фронта» через обыгрывание речи лирического героя, который пишет о своих подвигах домой, о том, как «солдатское мы пашем поле», раскрывается тема разлуки, веры в Победу: *И с фронтом дальше я пошел, / И нет конца еще дороге... / Твои молитвы и тревоги – / Моя броня и ореол* («Письмо с фронта») [4, с. 17]...

Последние строфы весьма показательны: они свидетельствуют об интересе раннего Сысолятина к духовно-религиозной тематике. Понятие веры не было для автора посторонним, чужим – сам он был выходцем из религиозной староверческой семьи. Нетрудно увидеть и то обстоятельство, что аспекты военной тематики поднимаются автором, но еще не имеют определяющего значения. В то же время в ранней лирике Г. Ф. Сысолятина намечается та авторская позиция, которая определит тематическую доминанту творчества в 1950-1990-е годы.

Интересна следующая особенность: «в одних произведениях автора может заинтересовать какой-либо жизненный характер, а обстоятельства и ситуация, в которую он помещен, служат неким фоном для раскрытия этого характера» [1, с. 49] («Однополчанам 7-й артиллерийской дивизии прорыва»). В других стихах, наоборот, автора интересует та или иная жизненная ситуация, характеры самих героев при этом прорисованы в меньшей степени («В изрытом войною саду»). И наконец, есть произведения, где автора в равной степени интересует неразложимое единство характеров и обстоятельств («Свидание»).

Геннадий Сысолятин не был простым очевидцем, он был деятельным участником переломных событий Великой Отечественной войны, был тяжело ранен, не дойдя до Берлина. Осмысление и исследование национальной проблематики у автора происходит на следующем жизненном материале: это тяжелейшие сражения и фронтовые будни, иллюстрации силы духа русского воина и его боевого оружия: *А за нами – могилы, могилы, / Без убитых ни ночи ни дня... / Дай мне, Родина, выстоять силы, / Доведи до Победы меня* («Перед боем») [4, с. 16].

Сама мать-природа, чьи мотивы в творчестве Г. Ф. Сысолятина сильны, встаёт на защиту против недруга, вражьего нашествия; древний дух Руси вдохновляет и сопутствует русскому воинству, провожает его на бой: «*Держи, лейтенант, и – ни пуха!*» – / «*Дуняшина роща*» шумит («Дуняшина роща») [Там же, с. 15].

Примечательно, что это хронологически первое лирическое стихотворение автора, в котором возникает тема войны. В нем ярко запечатлен женский образ, неразрывно связанный с природой, точнее неким тихим её уголком. Там, в роще, проходили подготовку к войне будущие артиллеристы. Именно из этой рощи впоследствии курсанты и отправятся на большую войну, неся ее женское благословение! Сюжет стихотворения динамичный, традиционно построенный от экспозиции к развязке. В то же время автор уходит от формы повествования от первого лица, скрываясь за «курсантским» – «Мы»: «*В училище мы – не у тёщи*». Подобный уход от личного повествования прослеживается и в других стихотворениях автора. Тем не менее Г. Ф. Сысолятину хорошо удается передать ощущение собственного присутствия. За этим «мы» ощущается реальный, живой автор, им дается картина реального боя! Геннадий Сысолятин писал о коллективном боевом подвиге, подразумеваемая глубоко личное, им самим переживаемое, например в стихотворении о погибшем товарище. В лирической песне «В изрытом войною саду» через показ картины гибели офицера автором вскрыт многослойный тематический пласт – с одной стороны, выражается боль по утрате близкого друга, а с другой – тема бытия-небытия, переход жизни в смерть и наоборот. Природа здесь, подобно храму, помнит и оплакивает души погибших, чтит их боевую славу: *И вновь соловьи на кусты прилетели, / Как в том незабвенном году... / Кто слышал их – понял, о чём они пели / В изрытом войною саду* («В изрытом войною саду») [Там же, с. 19].

В этом стихотворении необычайно важна последняя строфа, если ее убрать, то произведение лишится не просто своей целостности, идейной нагрузки и композиционной завершенности, но иначе раскроется его тематика. Может возникнуть искаженное представление о фатуме, случайной гибели, бессмысленно оборвавшейся человеческой жизни. Г. Ф. Сысолятин, напротив, говорит о другом – о вечной жизни друга в сердце

и памяти. Он хочет, чтобы по окончании авторского «высказывания о мире» кто-то смог на него прореагировать, дать свой эмоциональный отклик.

Поэтическая идея в лирическом стихотворении Г. Ф. Сысолятина есть живая страсть, а именно – страдание. Если говорить о конкретном типе эмоционально-ценностной ориентации, то произведение несет в себе трагизм, который является основным его пафосом. Это и осознание невозможности утраты, и неразрешимый характер конфликта, и непрямая связь с жертвой, противоречия в душе лирического героя и т.п. Помимо основного выделим и два служебных типа пафоса. В плане величия подвига личности, его ценности, необходимости для дальнейшего развития нации, возвышенных идеалов – это героика. В сфере воспитания чувств (жалости и скорби по невозможности утраты), для усиления эмоциональной реакции читателя, автор привлекает сентиментализм. Последний проявляется в подборе символических деталей при описании личных вещей командира, погибшего от разрыва снаряда в яблоневом саду. Это и «колечко» – символ священных уз супружества, и «синий платочек измятый», известный по знаменитой советской вальсовой песне (авторы слов и музыки Я. Галицкий и Е. Петербургский), и наконец, сам «девичий милый портрет».

Изображенный мир в лирическом стихотворении Г. Ф. Сысолятина характеризуют такие свойства, как высокая степень жизнеподобия, отчетливо выраженная сюжетность, колоритная описательность. О главном герое, исходя из портретного описания, мы знаем буквально следующее – внешний облик (форма одежды), относительно молодой возраст, общие черты лица, его выражение. Благодаря двум психологическим деталям (черные брови и упрямые складки) портрет становится характерологичным – по этим чертам мы можем хотя бы приблизительно судить о характере героя как о человеке серьезном, каким и запечатлел его автор.

Пейзаж в данном произведении не только обозначает место действия, но также оказывает эстетическое воздействие, создает атмосферу военной романтики, своеобразную картину некоего земного рая, в котором нашлось место и погибшему офицеру. Выполняет он и психологическую функцию – состояние природы соотносится с чувствами и переживаниями лирического героя, более того, природа является их выразительницей. В стихотворении она олицетворена и изображена в образах поющих соловьев, сада, яблонь, качающих ветвями и осыпающих своё цветение. Налицо элемент некой обрядовости, проводов по умершему, торжественной траурной церемонии. Исползованная автором форма косвенного психологического изображения отводит важную роль природе – рассказать о душевном состоянии самого лирического героя.

На возможный диалог с читателем подталкивает открытый финал стихотворения. Предложенный диалог и есть ключ к пониманию проблематики всего стихотворения. Само художественно-значимое противоречие носит здесь неразрешимый, психологический характер. В данном случае «мы имеем дело с интереснейшей идейно-нравственной проблематикой: автор занят неким этическим поиском, осмыслением моральной стороны» [1, с. 51] и последствий гибели, важности сохранения памяти о ней в вечности, жизненном круговороте, возвращения всего на круги своя.

Если обратиться к более широкому литературному контексту, то в центр внимания вечных тем своих стихотворений Г. Ф. Сысолятин выдвигает героическое и трагическое: вопросы справедливости, тяжести ратного подвига, боевого братства, гуманизма, смысла высокой жертвы, ее обусловленности. Эти и другие вопросы ставятся не только на раннем этапе становления поэта, но и во всей его военной лирике.

Необходимо подчеркнуть, что образ хранителя памяти довольно часто прослеживается в творчестве поэта. Согласно Сысолятину, существует некто или нечто, кто всё помнит, всё знает и праведно скорбит. Примечательно, что этот образ может воплощаться в человеке, во времени или природе. Человек не может достойно сохранить память, именно поэтому автор доверяет ее природе. Мы можем реконструировать и авторский идеал – предствления Г. Ф. Сысолятина о высшей морали. Прежде всего, для автора это достойная, возвышенная смерть во славу защиты Отечества, которую сохраняют в памяти боевые товарищи и передадут своим потомкам, слава ее не угаснет, и сама природа будет скорбеть и напоминать живым об этой потере.

Вопрос защиты и сохранения границ от врагов актуален у Сысолятина, как и в древние времена русской истории. Поднимаемая им национальная проблематика нередко находит опору в социально-бытовом аспекте: автор рисует фронтную жизнь однополчан-артиллеристов, боевые задачи, которые им приходится решать изо дня в день, рискуя своей жизнью: *Вражьи танки слышны по долине, / Мы их ждем – оседлали шоссе. / Руки в пушечном сале и глине, / И на нас плащ-палатки в росе («Перед боем»)* [4, с. 16]...

Находясь с ними в «кромешном аду», лирический герой вдохновлен тем мужским братством, духом воинства и моралью своих «побратимов». В лирике Г. Ф. Сысолятина нет атмосферы ненависти, но есть идея ненависти к врагу, который должен быть повержен. Его фронтная поэзия наполнена верой в счастливый исход общенациональной битвы. Такой жизнеутверждающий пафос мы находим в большинстве его ранних стихотворений: *Придём в Берлин – войне и край... / Не лей ты слезы на пороге, / А улыбнись и пожелай / Счастливой мне пути-дороги («Письмо с фронта»)* [Там же, с. 17].

Таким образом, мы считаем, что фронтная лирика в большей степени выразила мировоззрения поэта, на ней базируются и из неё вытекают впечатления раннего Г. Ф. Сысолятина об окружающем мире. Обращение поэта к теме войны связано с самыми яркими переживаниями молодости – офицерской службой и Великой Отечественной войной – событиями, которые на целый век оставили свой отпечаток в судьбе его поколения. Своеобразие ранней военной лирики Г. Сысолятина 1942-1944 годов состоит в том, что он наполнил ее личными чувствами и переживаниями, отразил пристрастный взгляд творца на волнующие его события. Фронтная лирика Геннадия Сысолятина в некоторой степени идеализирует окружающий мир, стремится наполнить светлыми образами Победы, простыми радостями жизни и надежды на чью-то любовь – это важный аспект, который отличает творчество автора от других поэтов фронтового поколения.

Список источников

1. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта, 2010. 248 с.
2. Прищепа В. П. «Щемящей совести строка»: книга о современной литературе Хакасии. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета, 2009. 448 с.
3. Сысолятин Г. Ф. Ключ бытия. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета, 2003. 240 с.
4. Сысолятин Г. Ф. С вершины века. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета, 2000. 396 с.

**FORMATION OF THE POETICS
OF G. F. SYSOLYATIN'S LYRICS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR**

Prishchepa Valerii Pavlovich, Doctor in Philology, Professor
Lomilkin Aleksandr Nikolaevich
Khakass State University named after N. F. Katanov, Abakan
oranta91@mail.ru

The article examines the features of the early military lyrics of the Siberian poet G. F. Sysolyatin, gives an analysis of the works of the Great Patriotic War period. Particular attention is paid to the poet's ideological world, the most frequent motives and images are identified, leading emotional and value orientation of the works is revealed. The article also highlights some aspects of the subject, features of the problem vision, psychological features typical of the early lyrics by G. F. Sysolyatin. As an investigative task the authors attempt to evaluate the contribution of early Sysolyatin to the front poetry of those years, to show the specificity, the uniqueness of his view of the world.

Key words and phrases: G. F. Sysolyatin; military lyrics; front poetry; ideological world; motives and images; pathos; author's ideal; problem vision.

УДК 8; 82.0

В статье рассматривается одно из наиболее ярких произведений литературной сказки-нонсенса – «Между двух стульев» Е. Клюева. Дается представление об особенностях системы персонажей, сюжетной линии, а также о стилистическом своеобразии данной сказки. Подчеркивается мысль о том, что литература нонсенса преодолевает жизнеподобие, переосмысляет объекты и явления действительности и утверждает важную роль условности.

Ключевые слова и фразы: литературная сказка; сказка-нонсенс; Е. Клюев; языковая игра; художественные приемы; система персонажей.

Скороспелова Екатерина Борисовна, д. филол. н., профессор
Ширяева Ирина Николаевна
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Skorospelova@gmail.com; axmell@yandex.ru

«МЕЖДУ ДВУХ СТУЛЬЕВ» Е. КЛЮЕВА КАК ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА-НОНСЕНС

«Между двух стульев» Е. Клюева занимает особое место в литературе нонсенса. Это литературная сказка-нонсенс, и на ее примере мы попытаемся показать своеобразие данного жанра, связанного как с фольклором, так и с традицией модерна и авангарда в искусстве XX века.

Система персонажей в тексте Е. Клюева носит интертекстуальный характер; в нее входят в переосмысленном виде архетипы сказочного мира (Соловей-Разбойник – Муравей-разбойник; Кошей Бессмертный – Воще Бессмертный; Тридевятая Цаца, обязанная своим именем Тридевятиному государству), герои литературных сказок (Снежная королева – Смежная Королева; Спящая красавица – Спящая Уродина; Оле Лукояе – Ой ли-Лукой ли) и произведений мировой литературы (Дон Жуан – Бон Жуан; Гулливер и лилипуты – Гуллипут; Кармен – Шармен и др.).

Уже на уровне названия персонажей проявляется активная авторская воля, характерная для литературной сказки, а использование в наименованиях каламбуров придает «Между двух стульев» характер нонсенса, который направлен на утверждение своей значимости как начала, преодолевающего жизнеподобие и утверждающего важную роль условности.

Что общего имеет пространство, построенное на основе «полного крушения жизненного Опыта и Здравого Смысла» [4], с пространством сказки?

По словам И. П. Лупановой, для сказки характерна растворенность чуда: «сказочные чудеса не осознаются сказочными персонажами как нечто ирреальное. Они – норма сказочного мира. Они никого не удивляют. <...> Именно это отношение к чуду как к норме и создает у слушателя (читателя) народной сказки ощущение единства изображенного в ней мира, обладающего “волшебной реальностью”» [5, с. 80]. Это связано с тем, как она далее поясняет, что сказка направлена в первую очередь на решение нравственных вопросов, для чего она создает «идеальный мир, где побеждает благородство, доброта и бескорыстие» [Там же, с. 81], в котором чудо является лишь приемом создания такого мира (не самоцелью). Очень важно, чтобы слушатель (читатель) верил в происходящее, а для этого необходимо присутствие в рассказе того, что ему хорошо знакомо –